

Апрель 1998 г.

"Отведите пленников в подвал, Грейбек".

Они так долго были в бегах, так устали и сломались.

Одна маленькая оплошность - и Снейпы были у порога их дома или палатки. Гермиона поспешно наложила ряд сложных чар, чтобы не подпустить преследователей, а сама повернулась и начала изменять их черты. На ее собственную внешность можно было бы не обращать внимания, если бы ее лицо не пестрело в "Ежедневном пророке" в течение нескольких месяцев, где ее называли известной магглорожденной соратницей Гарри Поттера, но черты Рона и Гарри были неизбежно узнаваемы. Рыжие были по всей Волшебной Британии, но этот яркий оттенок рыжего в сочетании с особыми чертами лица говорил только об Уизли. Помимо шрама Гарри, его изумрудно-зеленые глаза были безошибочным признаком.

Она изменила свои волосы на грязно-русые и подправила форму носа, сделала Рону каштановые волосы и изменила цвет глаз Гарри на карий, прежде чем попыталась зачаровать шрам на его лбу. Ничего не вышло. В панике, когда Похитители отказались от попыток снять защиту и начали прорываться сквозь неё, она ударила Гарри по лицу Жгучим гексом, бормоча извинения своему лучшему другу, когда на них набросился отвратительный оборотень.

Зачарование оказалось недостаточно сильным.

Люциус и Нарцисса Малфой сразу же частично узнали их, и Беллатрикс позвала Драко, чтобы он подтвердил их личность.

Безумная ведьма схватила его за шею и подтолкнула так близко к лицу Гермионы, что взору её не предстало ничего, кроме фирменных расплавленных серебряных глаз Драко Малфоя.

Тусклое серебро, цвет твердого металла. При правильном освещении они иногда казались светящимися. При свете факелов и мерцающих свечей в Хогвартсе они иногда казались бесплотными, словно она могла своими глазами увидеть, как внутри Драко движется магия.

Сейчас его глаза казались тусклыми. Магия цвета напоминала скорее сталь, нуждающуюся в хорошем блеске. В них не было того блеска, который был у Рона и Гарри. Даже Сириусу, в серых глазах которого, несмотря на пребывание в Азкабанае, все еще оставался небольшой блеск, а после прошлого лета в Гриммоулде, когда он чудом выжил в дуэли с Беллатрисой в Отделе тайн, лишь медленно заживающая рана от проклятия.

Когда Беллатриса наконец-то выпустила Драко из своего личного пузыря, Гермиона воспользовалась возможностью по-настоящему рассмотреть его. Он выглядел гораздо хуже, чем когда она видела его в последний раз, убегаая из Хогвартса по пятам за профессором Снейпом, а Гарри кричал им вслед "Убийца!". Драко выглядел ужасно на протяжении почти всего шестого курса. В то время как Гарри большую часть времени в школе твердил, что

Малфой - Пожиратель смерти (а, судя по всему, так оно и было), она обратила внимание на то, что его одежда висит на теле слишком свободно, что он никогда не ест в Большом зале и редко разговаривает на уроках. Не раз во время обхода префектов она заставляла его в темных альковах в состоянии гипервентиляции.

Сейчас он выглядел гораздо хуже. Болезненно худой и бледный, с темными кругами под глазами, покрасневшими от напряжения. Драко уставился на нее с явным узнаванием и тяжело сглотнул, не решаясь придумать ложь. Очевидно, лучшее, что он смог придумать в тот момент, было: "Я не могу быть уверен. Возможно, это они, но я не уверен".

Тем не менее, Гермиона оценила его старания. Учитывая обеспокоенные лица Беллатрисы и старших Малфоев, они должны были быть уверены на сто процентов, прежде чем вызывать Волдеморта. Она была благодарна за тот росток сомнения, который Драко заронил в их умы. Но, к сожалению, с учётом обнаруженного у них знаменитого меча и решимости Беллатрисы Лестрейндж вернуться в лоно Тёмного Лорда, они даже не приблизились к тому, чтобы увидеть лесную поляну.

Грейбек схватил Гарри и Рона за руки своими грязными руками и крепко сжал, когда начал приближаться к ней. Гермиона вздрогнула от неожиданности.

"Подожди." Беллатрикс остановила его, ее глаза с тяжелыми веками уставились на Гермиону. "Все, кроме... кроме Мадблад".

Гарри и Рона быстро увели, крича и умоляя остаться на ее месте.

"Нет!" - закричал Гарри, сопротивляясь хватке Грейбэка.

"Возьмите меня!" крикнул Рон, когда его потащили прочь, предположительно в подземелье. Похоже, в этом месте было подземелье.

Беллатрикс подняла палочку, и Гермиона в ужасе посмотрела на женщину. У Беллатрикс были серые глаза, как у Сириуса. Несомненно, семейная черта. Они тоже сверкали, но не весельем Мародёров. Они выглядели голодными.

Гермиона прервала зрительный контакт, не в силах смотреть. Вместо этого она перевела взгляд на других обитателей комнаты.

Драко, казалось, дернулся, понимая, что с ней должно произойти, и она даже поддалась искушению закричать, умоляя его о помощи. На какую-то долю секунды ему показалось, что он так и сделает. Но что бы он ни подумал сделать, чтобы остановить тётю, ему помешали цепкие пальцы отца, удерживающие его в неподвижности и молчании. Казалось, Люциус впился ногтями в кожу плеча сына в тревожном ожидании.

Первое Круцио было похоже на смерть.

Второе заставило ее молиться об этом.

Но только когда разочарование Беллатрикс достигло апогея, ситуация действительно изменилась к худшему. Пыточные проклятия прекратились, но заклинания - нет. Гермиона почувствовала, как Беллатриса начала снимать наложенные на себя чары. Любая нормальная ведьма или волшебник, хорошо разбирающийся в трансфигурации, мог бы легко покончить с визуальным обманом, но жажда контроля и желание наблюдать за мучениями Беллатрисы Лестрейндж заставляли её делать это как можно больнее.

Казалось, что она вцепилась когтями в магию Гермионы и начала ковыряться в ней, выискивая физические черты и отбрасывая их в сторону, кусочек за кусочком, пока не открылась правда. Заклинания облегчали боль, но магия Беллатрикс казалась неправильной и навязчивой. Она была холодной, влажной и кислотной. Внезапно магия, толкавшаяся внутри нее, словно натолкнулась на какую-то стену, и она содрогнулась от удара о барьер. Холод внезапно стал очень горячим, а кислотная природа магии Беллатрикс стала едкой. Как будто из лимонного сока она превратилась в аккумуляторную кислоту. В стене внутри нее что-то треснуло, и ей показалось, что ее магия сопротивляется.

Но нет.

Борьба внутри Гермионы не была похожа на ее магию.

Не в силах ухватиться за защитную магию или как-то помочь ей, она почувствовала, как та разлетелась на куски. Тело снова затряслось, и по коже пробежало покалывающее пламя - до кончиков пальцев рук и ног, а затем по рукам и ногам - и волной жара и пульсирующей боли опустилось на лицо.

Он вырвал воздух из ее легких.

Она даже не успела перевести дух, как чья-то рука запустила ее в волосы.

"Во что ты играешь, девочка?! Ты смеешь насмехаться надо мной?"

Гермиона была вне себя от изнеможения, рыдала и не могла понять, к какому выводу пришел безумный разум Беллатрикс. Боль сосредоточилась на черепе, куда Беллатрикс сильно дернула, и мягкие черные локоны поплыли в ее глазах.

В конце концов рука отпустила ее, и она почувствовала, как затылок ударился о мраморный пол со звоном, отдававшимся эхом в ушах. Зрение пошатнулось, и она в замешательстве подумала, почему мягкие черные локоны все еще лежат у нее перед глазами, когда она увидела размытый образ Беллатрикс, стоящей над ней.

"Я научу тебя. ." - прорычала старшая ведьма, прежде чем снова опуститься на нее, и тут Гермиона почувствовала колющую боль в руке, когда Беллатрикс схватила ее за горло.

Ощущение было такое, будто Круциатус закрепился в одной точке, пока не начал двигаться по коже резкими линиями. Она закричала и заплакала, снова обращаясь за помощью, но увидела, что Драко трясется в крепкой хватке отца, а его мать в ужасе закрывает рот рукой.

Над головой пронесся яркий свет, и боль утихла настолько, что она смогла сморгнуть слезы и увидеть Рона и Гарри, бегущих к ней с палочками в руках. Громкие шаги и эхо магии сотрясали землю, и последнее, что она увидела, прежде чем потерять сознание, были Гарри и Рон, растерянно смотрящие на неё.

<http://erolate.com/book/4074/112357>